

ПЕРВЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ, РЕГЛАМЕНТИРОВАВШИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ РОССИИ В XV-XVII ВЕКАХ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Анализируются проблемы, связанные с обеспечением пожарной безопасности на различных этапах исторического развития Российского государства. Рассматриваются проблемы деятельности пожарной охраны в XV-XVII веках. Исследуется законодательство, регламентировавшее деятельность этой службы в первые столетия образования государства.

Централизованное общерусское государство не могло существовать без единой системы законодательства и правопорядка, направленной на борьбу с пожарами. Поэтому особое внимание в первых законодательных актах уделялось «зажигалникам» – виновникам пожаров.

В статьях 7, 9, 38, 55 Судебника 1497 года определялась высшая мера наказания к лицам, уличенным в умышленном или неумышленном поджоге различного имущества – жилого помещения (т. е. дома), городских укреплений, монастырских построек и т. д.

М.Ф. Владимирский-Буданов писал, что спорным являлось определение преступных деяний, инкриминируемых «подымщикам» и «зажигалникам» [1]. «Подымщик» российской историографией трактовался преимущественно как поджигатель дома, двора, жилого помещения, в отличие от поджигателя укреплений, города – «зажигалника». Справедливо отмечая, что данная трактовка не объясняла, почему понадобилось такое разделение, если оба вида поджога относились к числу наиболее опасных преступлений и влекли высшую меру наказания.

Л.В. Черепнин трактовал статью 9 Судебника 1497 года, дополнив понятие «подымщик» другим содержащимся в статье 61 Судебника 1550 года понятием – «подметчик» [2]. Он высказывал предложение, поддержанное современной историографией, что «подметь» – это шпионаж или разглашение секретных сведений, а «зажигалник» – лицо, поджигающее город с целью предания его врагу.

Отметив неправомерность подобного толкования данной нормы, О.И. Чистяков полагал, что «подметь» не шпионаж, а скорее какая-то прокламация, которую подбрасывают, подметывают для возмущения народа против государственной власти или ее отдельных представителей. Однако отождествление им понятия «зажигалника» с поджогом в статье 7 Судебника 1497 года вряд ли оправдано. Причем «зажигалник» – это человек, совершивший поджог, что расценива-

лось как тягчайшее преступление еще во времена «Русской Правды». Поджог, хотя и совершенный умышленно, не всегда влек смертную казнь. Поэтому вполне справедливо заметил О.И. Чистяков, что норму в статье 9 Судебника 1497 года нельзя рассматривать только как поджог города с целью сдачи его врагу [3]. Наказание за поджог зависело, вероятно, от того, принадлежал ли преступник к категории «лихих людей».

Так, например, из Судного списка от 30 июня 1503 года вытекало, что виновный в поджоге монастырской деревни Михалка Жук был приговорен к возмещению нанесенного монастырю ущерба в размере 5 рублей. Однако из-за отсутствия денег и поручительства в уплате их виновный был передан монастырю до искупа (т. е. до отработки долга) [4]. Из Судного списка видно, что Жук совершил поджог «рнясь» (т. е. злясь) за взятое монастырем с него «пожилое» [5]. Налицо злая воля.

Однако вряд ли будет правильным относить, как это делал А.Г. Поляк, человека, совершившего деяние умышленно, по злой воле, к числу «ведомых лихих людей». Подразумевалось, что первоначально, когда понятия случайного и неосторожного деяния еще не были выделены, виновный действовал умышленно. Но это еще не означало, что он был «лихим человеком». Более правильной представлялась позиция Л.В. Черепнина, видевшего в зажигалнике лицо, совершившее поджог города [6]. Данная норма находила практическое применение в 1547 году, когда участились пожары в Москве. Сразу же возникали слухи, что виновниками пожаров были «зажигалники». Многих зажигалников «имали и пытали», а затем «казнили смертною казньо: главъ секли и на колье ихъ сажали и въ огонь ихъ въ те же пожары метали» [7]. «Зажигалники» (т. е. те, кто пожар учиняли «нарочнымъ делом») подлежали смертной казни и по нормам последующего законодательства.

Следует отметить, что положения статей 7, 9, 38 и 55 Судебника 1497 года получили под-

тверждение и в Судебнике 1550 года. В частности, в статье 61 определялась высшая мера наказания за совершение наиболее тяжких преступлений – смертная казнь (как и в Судебнике 1497 года). Причем к опаснейшим преступникам, таким, как государев убийца, относился и «зажигалникъ» – поджигатель.

Вместе с тем в Судебнике 1589 года обращалось внимание на ложное обвинение человека в поджоге. Ложное обвинение «доброто человека» влекло «торговую казнь» (т. е. битье кнутом на торговой площади) для истца и «проводчика» (т. е. приведшего) и выплату или «бесчестие» (т. е. денежный штраф потерпевшему) в соответствии с установленной суммой для разных социальных категорий. Нельзя не отметить усиление репрессий в отношении особо опасных лиц, в первую очередь зажигальников. Эта категория не только получала «бесчестие» (ст. 71 Судебника), но и в случае «ополичения» (т. е. обвинения в краже, даже недоказанного после пытки) подлежала пожизненному тюремному заключению (ст. 103 Судебника) [8].

Немаловажное значение для Северо-Западной части России имел Литовский статут 1529 года. Как известно, в историко-правовой науке этот документ рассматривается как часть системы русского права. В статье 7 раздела VII находим: «Если бы кто-либо угрожал, а после угрозы случилось бы убийство или сгорелъ дворь...» [9]. Данная норма рассматривала преступные действия, которые угрожали обывателям причинением материального ущерба путем поджога. И если после данной угрозы или разговора был причинен ущерб от огня, тогда за причиненный ущерб должно быть взыскано с того, кто угрожал. Если обвиняемый отказывался, говоря, что не совершал данного поджога, то, чтобы впредь никто не досаждал другому, решено было взыскивать ущерб с угрожающего. Такая угроза доказывалась, не чем иным, как свидетельскими показаниями трех обывателей против обвиняемого, а о размерах причиненного ущерба пострадавший должен присягнуть вместе с женой и детьми.

Однако в первой половине XVII века заметно возрастала законодательная деятельность Российского государства, усиливалось стремление правительства подвергнуть правовой регламентации как можно больше сторон общественной и государственной жизни. Венцом этой деятельности и являлось создание Соборного уло-

жения 1649 года, в котором статьями 202, 218, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228 строго регламентировались соблюдения правил пожарной безопасности в жилищах, в лесах и на полях, а также предусматривались меры наказаний людей за оплошности, из-за которых возникали пожары.

В частности, статья 227 главы X Уложения ставила условием договора при найме квартиры, «что ему (т. е. нанимателю) того двора не зажечь и оть огня беречь» [10]. Эта норма определяла взаимоотношения между домовладельцем и нанимателем в отношении пользования огнем. Заключенный договор со всеми вытекающими последствиями в случае пожара являлся нормативным актом и признавался документом в суде. Действовал принцип: если сжег по неосторожности чужой двор, то отвечай по закону. По самому смыслу эта норма носила профилактический характер. В ней предписывалась осторожность и предусмотрительность. Что касалось ответственности, об этом говорилось хотя и условно, но все-таки достаточно определенно. Жилец, виновный в том, что неумышленно сжег двор, обязан уплатить хозяину «цену, чего тотъ дворъ стоиль» [11], но более никакой другой ответственности он не нес. В случае же, когда пожар, начавшись с одного двора, перекидывался на другие и все это несчастье происходило «ненарочнымъ деломъ», то сам закон освобождал ответчика от всяких исков и видел в нем несчастного и пострадавшего. Дальнейшее распространение пожара рассматривалось как несчастье, так как все «учинилось не по умышлению».

Исследования, проведенные еще в XIX веке, показывали, что ни в летописных материалах, ни в законодательных памятниках Российского государства не обнаружено никаких указаний на то, чтобы хозяин, со двора которого по неосторожности (т. е. не по вине хозяина) начинался пожар и распространялся на другие жилые постройки и на целые селения, подвергался бы штрафу. Его не только не подвергали суду, но и ему соболезновали как погорельцу [12].

Тем не менее к неумышленным пожарам в лесах и в поле законодательство относилось также снисходительно. Если в лесу нечаянно подожгли пастухи, то с виновных не взыскивалась пеня и не возмещались убытки (ст. 223 главы X Уложения). Кто сжигал на своем поле солому или на лугах траву и оказывался невольным виновником пожара окружающих усадеб, построек или огородов, также освобождался от ответственности. Другое дело, если в лесу, поле или на лугу пожар

происходил по «ленности» и небрежности. В этом случае лесной пожар рассматривался как «пожарное разорение», и с виновного взыскивалась пеня в размере «что государь укажет».

Необходимо отметить, что законодательство 1649 года в то же время наказывало с немоллимой жестокостью за умышленные поджоги. Человек, умышленно зажегший поле, с тем чтобы распространить огонь по ветру и сжечь имущество соседей, обязан был возместить все причиненные им убытки. Поджигатель, согласно Уложению, назывался «зажигальщиком» и искупал свою вину смертью без всякого снисхождения.

Так, например, в статье 228 главы X Уложения рассматривалась особая опасная форма уничтожения чужого имущества – поджог двора. По Уложению за поджог применялся квалифицированный вид смертной казни – сожжение [13]. По статье 228, если поджигатель «будет изыманъ» и будет доказано, что поджог произведен умышленно, из-за вражды, то его предписывалось сжечь самого, и только в 1654 году государев указ смягчил эту казнь, заменил костер повешением.

Вместе с тем устанавливалась квалифицированная смертная казнь через сожжение за поджог двора или города с целью сдачи его врагу, статья 4 главы II Уложения выделяла это деяние в отдельный состав государственных преступлений. Данное деяние отличалось как от простого поджога двора, который влек за собой лишь денежное взыскание (ст. 223, 224 главы X Уложения), так и от поджога квалифицированного, совершенного ради вражды и разграбления (ст. 228 главы X Уложения). Последний наказывался сожжением, тогда как статья 4 главы II Уложения предписывала сожжение «безъ всякаго млосоердия», что означало ужесточение этого вида наказания, возможно, путем сожжения на медленном огне.

Развивая понятие «градскаго сдавца», Уложение различало измену в виде передачи города врагу путем открытой сдачи или тайным впуском в город неприятельской армии. В первом случае субъектом преступления являлись воеводы.

Частная движимая собственность во время пожаров также ограждалась законом. Похитители, позволявшие себе, пользуясь сумятицей, завладеть чужими вещами, привлекались к суду. Их судили как воров. С виновного предписывалось искать судом, «что татиного дела» (т. е. как за кражу). В Соборном уложении впервые

в законодательстве появились не только карающие, но и предупреждающие меры.

Частые опустошительные пожары в деревянной Москве привели царя Алексея Михайловича Романова (1645-1676 гг.) к необходимости издать указ, предписывающий на каждого человека смотреть подозрительно: во всяком – в своем и иностранном госте видеть прежде всего «зажигальщика». На основании этого в Москве объявлен строгий Приказ: «Никому пришлыхъ людей въ Москве, не объявля въ Приказе, не держать» [14]. Это была, можно сказать, первая полицейская мера, распространявшаяся на всех жителей столицы для сохранения всеобщей безопасности.

Постановления о смертной казни за поджоги сохраняли полную силу и повторялись при Алексее Михайловиче в указах 1669 года: за грабежи и воровство на пожаре виновных наказывали телесно (т. е. били кнутом, резали уши), сажали в тюрьму, а в особых случаях – подвергали смертной казни [15].

Н.И. Костомаров писал, что во второй половине XVII века участились поджоги в городах и селах. К розыску преступников, по указу Алексея Михайловича, в 1657 году привлекались сыщики тайной полиции из дворянского сословия [16]. Действительно, побеги крепостных крестьян сопровождалась грабежами и поджогами имущества феодалов. Поэтому по поводу А.А. Новосельский, А.Г. Маньков считали, что система государственного, массового и обезличенного сыска беглых крестьян и холопов, сложившаяся во второй половине XVII века, явилась итогом установленного Уложением 1649 года прикрепления крестьян к крепостным актам [17].

Одним из крупнейших законодательных памятников второй половины XVII века являлся наказ «Сыщикам беглых крестьян и холопов» 1683 года. Так, в статье 40 Наказа предписывалось: «А которые беглые люди и крестьяне, побывавъ, учинили... пожегъ, и про то учинитца у сыску ведомо, и техъ воровъ роспрашивая, и по роспросу пытать. Да будетъ они съ пытки стануть на себя говорить и на иныхъ на кого... въ пожеге, ...и про пожегъ по тому жъ сыскивать. Да будетъ по сыску и по роспросу и по пыточнымъ речамъ про... пожегъ сыщется допряма, и техъ воровъ... за пожегъ по указу Великаго Государя и по Соборному Уложению противъ татиныхъ и разбойныхъ статей вершить, велеть вешать, чтобъ инымъ впредь не повадно было такъ воровать» [18].

Следовательно, данная статья предусматривала наказание за поджог имущества и имени феодала. Поскольку охрана жизни феодалов и неприкосновенность их собственности были основной функцией феодального права, получившей значительное развитие в Уложении 1649 года и в период после него, наказ «сыщикам» сохранял квалификацию поджога поместий феодалов крестьянами при побеге как татейного и разбойного дела и подводил его под преступление, предусмотренное главой XXI Уложения. Соответственно определялась и санкция – смертная казнь через повешение. Как обязательный элемент следствия по делу о поджоге предусматривалась пытка.

Вместе с тем нормативные акты, связанные с розысками поджигателей, повторялись. Так, например, указом 1695 года предписывалось воеводам в городах любыми тайными путями осуществлять розыск поджигателей, «про воровъ и разбойниковъ проведать тайно всякими мерами» [19].

Следует отметить, столь суровые наказания за поджоги были потому, что в условиях деревянных и берестяных построек Руси пожары обычно уничтожали все «грады и селения». Правительственные указы о суровом наказании виновников пожаров чередовались с требованиями применять меры и при строительстве.

В частности, запрещалось устанавливать дома близко друг к другу. Хотя размеры каждого жилого столичного дома были невелики: метра четыре в длину и столько же в ширину. Топился он, как говорилось в старину, «по-черному» (т. е. дом не имел дымовой трубы). Бревенчатые строения были приземисты и окружены хозяйственными постройками, поленницами, сеновалами. Крыши домов, церквей покрывались осиновой щепой или продолговатой дубовой дранкой и при малейшей неосторожности с огнем представляли собой большую пожарную опасность. Горящая осиновая щепка и дубовая дранка ветром переносились на значительные расстояния и создавали новые очаги пожаров. Особенно губительными были загорания в сухую ветреную погоду.

Формирование и развитие пожарного дела в России тесно связано с общими процессами экономического и социального развития. Рост городов, ремесленного производства, жилищного строительства объективно обуславливал необходимость разработки и осуществления противопожарных мер не только локального, но и общегосударственного характера.

Первыми же противопожарными нормами государственного характера на Руси были распоряжения о приготовлении пищи для всего населения в один определенный период времени. В последующем, когда пожары принимали крупномасштабный характер, центральные власти были вынуждены принимать определенные меры защиты от них.

По мнению Т.А. Ворошиловой, В.Т. Потемкина, первые летописные упоминания о нормативных актах в области пожарной безопасности на Руси относились к 1472 году. Великий князь Иван III (1462-1505 гг.), вместе со своей дружиной участвовавший в тушении пожара Москвы и проявивший себя, несмотря на тяжелые ожоги, «зело храбрымъ», издал указ о мерах пожарной безопасности в городе [20]. Как полагали названные авторы, если не считать отвлеченных рассуждений и благих пожеланий в «Поучении» Владимира Монаха, то это был первый нормативный акт противопожарной защиты на Руси. В нем отмечалось, что главная причина большинства пожаров – это скученность застроек и неосторожное обращение с огнем.

Так, Б.С. Рябинин, М.П. Трачук отмечали, что в правление Василия II (Темного) (1425-1462 гг.) после очередного пожара в Москве [21] в 1434 году впервые были осуществлены государственные противопожарные меры, которые сводились к введению противопожарных правил, а точнее, правил в обращении с огнем [22]. П.С. Савельев же считал, что после очередного опустошительного московского пожара в 1485 году Иваном III изданы первые противопожарные нормы о пользовании открытым огнем в быту (т. е. печами, свечами, лучинами и лампадами) [23].

Однако исследования, проведенные Ю.Г. Алексеевым, Н.А. Артузи, показали иное: первые действенные меры противопожарной защиты для Москвы были предусмотрены в 1493 году [24], после сильного опустошительного пожара, причиной которого являлось загорание от восковой свечи в церкви Святого Николы на Песках в Замоскворечье. Шквальный поток ветра распространил огонь по всей деревянной Москве. Много было людских жертв [25]. Результатом стихийного бедствия являлся Указ Ивана Васильевича – о сносе деревянных строений на расстоянии 110 сажень (т. е. 234 метра) [26] от кремлевских стен. Предусматривалось соблюдать противопожарные разрывы при строительстве церквей и дворов за Неглинной.

Пустырь, появившийся у стен Кремля, преобразовался в «Красную» площадь, до XVII века она не имела специального наименования. Ее просто называли «Пожаром», так как свирепый огонь часто уничтожал стоявшие на площади шалаши и легкие постройки. Пустырь (т. е. площадь) стал прообразом современного противопожарного разрыва. Затем стены Московского Кремля облицевали огнестойким красным кирпичом, что стало преградой для опустошительных пожаров.

Таким образом, сам быт жителей Москвы способствовал возникновению и распространению пожаров. Наиболее характерной причиной бытовых пожаров было неосторожное обращение с огнем (т. е. опрокинутая лампадка, выброшенные из печи непотушенные угли, упавшая свеча или лучина и т. д.). Очень часто возникали пожары в слободах, где проживали ремесленники, работа которых постоянно была связана с применением огня.

В 1504 году Иваном III изданы первые противопожарные правила на Руси [27], направленные на борьбу с огнем: а) запрещалось: летом топить бани и избы без крайней необходимости; использовать по вечерам в доме огонь (т. е. зажженные лучины, лампы, свечи); в черте населенного пункта заниматься стекольным производством; б) предписывалось: кузнецам, гончарам, оружейникам, работа которых была связана с огнем, заниматься своим делом только вдали от жилых строений; строго преследовать курение табака.

Следовательно, населению, в частности, указывалось, как обращаться с огнем и при каких условиях им можно пользоваться. В последующем эти правила неоднократно ожесточались.

После очередного пожара Москвы в 1547 году царем Иваном IV (Грозным) (1547-1584 гг.) издан нормативный акт, по которому городские обыватели обязывались иметь во дворах бочки и чаны с водой на случай пожара, а на крышах – бочки с водой и при них веники на шестах [28]. Нормативный акт запрещал в летнее время топить избы и бани, печи в домах печатавались, а для варки пищи предписывалось строить печи и очаги на огородах и пустырях – вдали от построек. Этот указ был едва ли не первым нормативным актом об использовании местных средств пожаротушения. Виновные в нарушении, невыполнении акта строго наказывались.

В 1571 году противопожарные правила повторились. Запрещалось всем без исключения

обывателям топить летом избы, а в обед питание готовить в очагах, устроенных особо и умело в безопасных местах, вдали от домов и прочих строений. Четко выраженная направленность нормативных актов нашла свое отражение в творениях архитекторов и строителей того периода. Строительством каменных зданий в конце XVI в. ведал особый Приказ каменных дел [29]. Постройки возводили с таким расчетом, чтобы находившиеся в них люди могли быстро покинуть их в случае «огненной беды». В 1583 году «московские правила» в отношении противопожарных мероприятий были введены и в других населенных пунктах Российского государства.

В дальнейшем, в конце XVI – начале XVII века, все еще в центре столицы России преобладали деревянные постройки. Толчком к возведению каменных строений послужил сильный пожар 1626 года, который причинил огромный ущерб Китай-городу и Кремлю [30]. После упомянутого пожара, ощутимо коснувшегося домов и имущества городского населения, правительством было издано распоряжение о расширении улиц и переулков в Кремле и непосредственно прилегающих к нему районах. Ширина улиц определялась в 5-6,5 сажени, переулки – в 4 сажени. В 1631 году в Москве сооружен первый напорный водопровод, для которого использовалась одна из башен Кремля, названная Водовзводной [31]. Водопровод использовали и для тушения пожаров.

В.К. Макаренко писал, что в первой половине XVII века курение табака в России было довольно распространенным явлением. Применялись меры и по борьбе с курением. Так, при царе Михаиле Федоровиче (1613-1645 гг.) на табак был положен строжайший запрет. Запрещалось его сеять и ввозить [32]. Был издан указ «О запрещении употреблять табак и торговать им», по которому уличенные в курении табака на первый раз получали 60 палочных ударов по подошвам, а уличенным во второй раз обрезали нос [33]. Курение было запрещено под страхом смертной казни.

Исследуя наказ «О Градском благочинии» 1649 года, можно предполагать, что он был очень строг для государственных служащих и крайне тяжел для обывателей. Страх перед пожарами был так велик, что и подтверждается Наказом, предписанным всем обывателям: весной, летом и ранней осенью вообще не топить жилые помещения и бани; вечерами не сидеть у огня и с ним не ходить.

Следует отметить, что в предупреждение нарушений в Наказе было упомянуто «и учинить (т. е. наложить) у избъ и у мылень (т. е. бань) печати» [34]. Предпринималось данное решение с той целью, чтобы огонь никто не использовал. В виде исключения разрешалось пользоваться огнем только в домах, где находились беременные женщины и больные обыватели. Для этого необходимо было обратиться в городскую администрацию с письменным прошением. На основании поданных письменных прошений в качестве проверки приезжали в жилые помещения «объезжие головы» и дьяк, «досмотря болей (т. е. больных) и родильницъ» [35]. При подтверждении прошения разрешали топить помещение, но не более одного дня в неделю. Во время растопки печи предписывалось «въ елы, и съ веники, и берегли бь накрепко, чтобъ однолично избы топить съ великимъ береженьемъ» [36]. Емкости с водою приказано было «для береженья отъ пожарнаго времени» [37] держать во дворах, в жилых и торговых помещениях.

Наряду с этим указывалось устанавливать поварни, а там, где не было возможности, – печи в огородах и свободных безопасных местах, вдали от жилых построек, таким образом, чтобы соблюдалась роза ветров в противопожарном направлении. Время для приготовления пищи определялось: «хлебы велети печь и есть варить въ печахъ съ великимъ береженьемъ, съ перваго часа, до четвертаго часу дни» [38]. Во все остальное время запрещалось пользоваться огнем. Если же кто не подчинялся данному Наказу и по чьей-либо небрежности и оплошности происходил пожар, «...и тому отъ Государя быть казнену смертию» [39].

Таким образом, Наказ обобщал все ранее изданные нормативные акты по соблюдению правил пожарной безопасности и впервые регламентировал деятельность полицейской службы по борьбе с пожарами на постоянной основе.

В ряде статей Наказа московским «объезжим» 1667 года перечислялись все ранее изданные противопожарные правила, но давались и дополнительные распоряжения. Только из населения города одни священнослужители пользовались особым покровительством госу-

даря. Московским «объезжимъ» наказывалось «на дворы къ нимъ (т. е. к священнослужителям) не въезжать, избъ и мылень у нихъ не печатать, и сторожей съ дворовъ на улицы не имать» [40], потому что на патриархальном дворе назначались свои «объезжие головы».

В именном Указе «О наблюдении в домах предосторожности от огня» 1670 года повторялись все те же прежние противопожарные правила, адресованные стольникам, стряпчим и всем жителям столицы. Дополнялись и новые нормы, которые предписывали, чтобы в случае пожарной опасности «на Москве ни где виномъ не торговали» [41]. Следовательно, пьянство на Руси являлось причиной пожаров.

Таким образом, за невыполнение юридических норм население подвергалось наказанию «... и темъ отъ Него Великаго Государя быть за то въ опале, а инымъ въ вечномъ разоренье, а людямъ вашимъ въ жестокомъ наказанье и въ ссылке, безо всякия пощады» [42].

В Наказе «Объезжимъ в Кремле» 1675 года снова упоминаются строгие наказания за небрежность и халатность. Обывателям предписывалось постоянно чистить печные трубы и соблюдать меры пожарной безопасности [43].

А.П. Чехов писал, что в 1680 году Указом царя Федора (1676-1682 гг.) (сын Алексея Михайловича) предписывалось хоромы и бани топить лишь с ведома «объезжаго головы» и только в ненастье. В домах разрешалось ходить только с фонарями, а не со свечками и лучиною. За оплошность, приведшую к пожару, виновному грозила налоговая пеня или ссылка в Сибирь [44]. Данный Указ распространялся и на бояр, живущих в своих поместьях. Им также строго предписывалось «иметь береженья отъ огня» и обязательно выполнять Наказ «О Градском благочинии», обнародованный в 1649 году.

С.Г. Голубев, Ф.Б. Зильберштейн, П.С. Савельев отмечали, что после московского пожара в 1688 году последовало новое указание – покрывать тесовые крыши землей и дерном [45].

Таким образом, вышеизложенными нормативными актами было положено начало противопожарному законодательству в централизованном Российском государстве.

Список использованной литературы:

1. См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Изд. 7-е. - Пг. - Киев, 1915. - С. 352.
2. См.: Судебники XV-XVI вв. / Под ред. Б.Д. Грекова. - М.-Л., 1952. - С. 59; Памятники русского права. Вып. 3 / Под ред. Л.В. Черепнина. - М.: Гос.изд-во юрид. лит., 1955. - С. 383; Штамм С.И. Судебник 1497 года. - М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1955. - С. 407.
3. См.: Чистяков О.И. Рец. на кн.: Штамм С.И. Судебник 1497 года // Советское государство и право. - 1956, №9. - С. 146.
4. См.: Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. - СПб., 1838, №10. - С. 19 - 20.

5. См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI вв. В 3-х т. Т. 2, №495 / Под ред. Л.В. Черепнина. - М.: АН СССР, 1958. - С. 542 - 543.
6. См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI вв. В 3-х т. Т. 2, №495 / Под ред. Л.В. Черепнина. - М.: АН СССР, 1958. - С. 542 - 543.
7. Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. - М.: Мысль, 1973. - С. 79 - 80.
8. См.: Развитие русского права в XV - первой половине XVII вв. / Под ред. В.С. Нерсесянца. - М.: Наука, 1986. - С. 182.
9. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. - М.: Юрид. лит., 1990. - С. 95.
10. Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX вв. В 9-ти т. Т. 3: Акты Земских соборов / Под ред. О.И. Чистякова. - М.: Юрид. лит., 1985. - С. 140; Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года: Материалы по истории государства и права. Вып. II / Сост. К.А. Сафроненко. - М.: Московский юридический институт, 1951. - С. 77.
11. Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX вв. В 9-ти т. Т. 3: Акты Земских соборов / Под ред. О.И. Чистякова. - М.: Юрид. лит., 1985. - С. 140; Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года: Материалы по истории государства и права. Вып. II / Сост. К.А. Сафроненко. - М.: Московский юридический институт, 1951. - С. 77.
12. См.: Чехов А.П. Исторический очерк пожарного дела в России. - СПб., 1892. - С. 4.
13. Следует отметить, что сожжение в России использовалось к лицам, обвиняемым в противорелигиозных преступлениях, производилось либо на обыкновенном костре, либо в срубе, помещенном иногда в железную клетку. А так же, как форма талиона, применяемая к поджигателям. - См.: Развитие русского права в XV - первой половине XVII вв. / Под ред. В.С. Нерсесянца. - М.: Наука, 1986. - С.191-192.
14. ПСЗ, Собр. 1, Т. 1, № 126. - С. 340.
15. См.: ПСЗ, Собр. 1, Т. 1, № 441, п. 19, 30. - С. 778, 783.
16. См.: Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей. Вып. 4: XVII столетие, Отд. 2: Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. - СПб., 1874. - С. 146.
17. См.: Новосельский А.А. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве во второй половине XVII века // Труды института истории РАН ИОН. - Т. 1. - М., 1926. - С.36-41; Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. - М.- Л., 1962. - С. 58 - 62.
18. ПСЗ, Собр. 1, Т. II, № 998. - С. 502 - 513.
19. ПСЗ, Собр. 1, Т. III, № 1515. - С. 212.
20. См.: Советская пожарная охрана / Сост. Т.А. Ворошилова, В.Т. Потемкин. - М., 1988. - С. 28.
21. В связи с этим С.Г. Голубев, Ф.Б. Зильберштейн, П.С. Савельев писали, что «Москва в течение семи веков, с XII по XIX, выгорала частично или полностью 60 раз, то есть в среднем на столетие падает девять опустошительных пожаров». - См.: Голубев С.Г., Зильберштейн Ф.Б., Савельев П.С. Пожарное дело в СССР. - М., 1968. - С. 5; Савельев П.С. Пожары-катастрофы. - М., 1983. - С. 18 - 19; Историк В.О. Ключевский отмечал, что пожары в Москве были настолько привычным явлением, что жители нередко относились к ним спокойно (если они сами от этого пожара не пострадали). - См.: Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. Изд. 5-е. - М.: Императорский Московский университет, 1906. - С. 63.
22. См.: Рябинин Б.С. Укротители огня. - Свердловск, 1979. - С. 314; Трачук М.П. Из истории развития пожарной охраны в России: Учебное пособие. - Львов: ЛПТУ МВД СССР, 1959. - С. 11.
23. См.: Савельев П.С. Исторические веки пожарной охраны России // Пожарное дело. - 1993, № 4. - С. 42.
24. См.: Алексеев Ю.Г. Государь вся Руси. - Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1991. - С. 164; Артузи Н.А. Беседа пожарного: Сборник бесед по «истории пожарного дела» и «пожарной технике». - Самара, 1926. - С. 21.
25. Полное собрание русских летописей. - Т. 18. - СПб., 1913. - С. 271-279.
26. Одна сажень равна 2,13 метра. - См.: Голубев С.Г., Зильберштейн Ф.Б., Савельев П.С. Пожарное дело в СССР. - М., 1968. - С.15.
27. См.: Савельев П.С. Пожары-катастрофы. - М., 1983. - С. 21; Рябинин Б.С. Укротителя огня. - Свердловск, 1979. - С. 314; Артузи Н.А. Беседа пожарного: Сборник бесед по «истории пожарного дела» и «пожарной техники». - Самара, 1926. - С. 21.
28. См.: Рябинин Б.С. Укротители огня. - Свердловск, 1979. - С. 314; Советская пожарная охрана / Сост. Т.А. Ворошилова, В.Т. Потемкин. - М., 1988. - С. 29; Артузи Н.А. Беседа пожарного: Сборник бесед по «истории пожарного дела» и «пожарной технике». - Самара, 1926. - С. 21.
29. См.: История Москвы. Краткий очерк / Под ред. С.С. Хромова. - М.: Наука, 1974. - С. 41.
30. РГАДА, Ф. 1209, Д. 30, Л. 190 об. - 191.
31. См.: История Москвы. Краткий очерк / Под ред. С.С. Хромова. - М.: Наука, 1979. - С. 68-69.
32. См.: Макаренко В.К. Что мы знаем о пожарах? - М., 1988. - С. 43.
33. См.: Сборник государственных грамот и договоров. Ч. 3, № 123, 128. - М., 1822. - 306 с.
34. ПСЗ, Собр. 1, Т. 1, № 6. - С. 165.
35. ПСЗ, Собр. 1, Т. 1, № 6. - С. 165.
36. ПСЗ, Собр. 1, Т. 1, № 6. - С. 165.
37. ПСЗ, Собр. 1, Т. 1, № 6. - С. 165.
38. ПСЗ, Собр. 1, Т. 1, № 6. - С. 165.
39. ПСЗ, Собр. 1, Т. 1, № 6. - С. 166.
40. ПСЗ, Собр. 1, Т. 1, № 407. - С. 677.
41. ПСЗ, Собр. 1, Т. 1, № 467. - С. 834.
42. ПСЗ, Собр. 1, Т. 1, № 467. - С. 834.
43. ПСЗ, Собр. Т. 1, № 600. - С. 1001-1004.
44. См.: Чехов А.П. Исторический очерк пожарного дела в России. - СПб., 1892. - С. 10.
45. См.: Голубев С.Г., Зильберштейн Ф.Б., Савельев П.С. Пожарное дело в СССР. - М., 1968. - С. 15.